



<sup>13</sup> Афанасьева О. В., Афанасьев М. Н. Наш доступ к информации, которой владеет государство / общ. ред. М. Н. Афанасьева. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 14–15.

<sup>14</sup> Там же. С. 15.

<sup>15</sup> См.: Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. URL: [http://www.unodc.org/documents/russia/Reports/08-50028\\_R.pdf](http://www.unodc.org/documents/russia/Reports/08-50028_R.pdf) С. 10 (дата обращения: 08.12.2012).

<sup>16</sup> Там же. С. 16.

удк 329.1

## СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет  
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье речь идет об особенностях социального ресурса современных российских партий как основе их конкурентоспособности, о рисках тех новейших технологий, которые применяются в процессе межпартийной и электоральной борьбы в решении задач расширения социальной базы.

**Ключевые слова:** социальный ресурс партий, конкурентоспособность политических партий, политические риски, политические технологии.

### Social Resource of Competitiveness of Modern Russian Political Parties

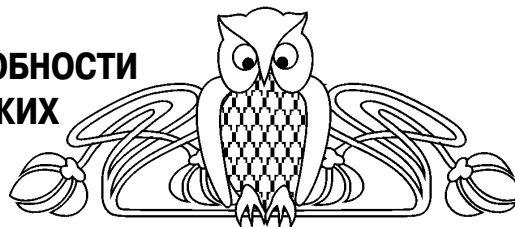
B. A. Zhed

The article discusses features of social resource of modern Russian parties as basis of their competitiveness and risks of new technologies, which are used during the process of interparty and electoral struggle to solve tasks of expansion of social base.

**Key words:** social resource of parties, competitiveness of political parties, political risks, political technologies.

Среди отечественных политологов и политиков идут споры о том, имеет ли место в современной России прогресс демократии, или же такого прогресса нет. Протестные движения 2011 г., в которых проявились сомнения граждан относительно достоверности результатов выборов в российский парламент, вывели на первый план в этой дискуссии проблему конкуренции и конкурентоспособности различных субъектов российской политики, политических партий в первую очередь.

Те, кто считают, что конкуренция в России имеет место и развивается, как того требуют принципы либеральной демократии, указывают на стабильно работающую избирательную систему, на прочность и постоянное совершенствование ее законодательной базы, на оптимизацию структуры партийной системы в России за последнее десятилетие. Это те базовые условия, которые в совокупности позволяют всем многочисленным субъектам российской политики спокойно и уве-



ренно выходить со своими интересами и ресурсами на сцену политики и там легально конкурировать друг с другом, продвигая демократический процесс вперед. Протестные же выступления и высказывания, если придерживаться такой точки зрения, лишь мешают нормальной политической конкуренции. Те же, кто считают, что никакой реальной конкуренции нет, указывают на несовершенство электорального законодательства и, главное, на тот пресловутый «административный ресурс», который в большинстве случаев делает участников политического процесса неравными в конкурентной борьбе за политическую власть. С этой точки зрения сегодня в России наблюдается торможение демократического процесса и даже его регресс.

В этих спорах довольно часто упоминают то «большинство граждан», которое поддерживает позицию, заявляемую участниками политических дискуссий. Научой и политической практикой давно доказано, что позиции любого политического субъекта, от государства до гражданина, в политическом процессе тем прочнее и устойчивее, тем конкурентоспособнее, чем более они обеспечены ресурсом социальной поддержки. Наблюдается и обратная закономерность: самая сильная своим авторитаризмом государственная власть и самый «непотопляемый», казалась бы, в политике индивид (общественный лидер например) быстро теряют свою социальную субъектность в тех случаях, когда лишаются этого ресурса социальной поддержки. На почве этих обстоятельств возникает жесткая конкуренция за социальный ресурс. В результате со временем многое меняется в содержании и формах политики, но интерес к «мнению народному», выражаясь словами А. С. Пушкина из его исторической драмы «Борис Годунов», есть у самых разных политических элит, в первую очередь партийных элит. Партия – это особенный политический институт, способный легитимно синтезировать ресурс социальный с ресурсом государственным (в случае прихода партии к власти и даже в случае пребывания партии в легальной оппозиции институтам государственной власти, когда за ней резервируется некий обязательный



минимум политического участия), главным образом, если речь идет о демократических системах. Что, собственно, дает этим системам мощнейший стимул к устойчивому развитию, хотя и не избавляет их от общей судьбы всех систем со временем умереть.

То есть, рассуждая формально, точку в этих спорах могли бы поставить результаты электоральных кампаний: если мы имеем рост электоральных предпочтений в пользу одной из партий или партийной коалиции или же падение таковых, то, следовательно, социальный ресурс ее конкурентоспособности возрастает (или снижается), имеют место прогресс политической конкуренции и общий прогресс демократии. Проблема состоит в том, что ни политические аналитики, ни общественное сознание не принимают такой критерий в качестве решающего при определении того ресурса, которым обладает политическая партия. Основанием служит тезис о неразвитости в России институтов гражданского общества, а следовательно, и о том, что «мнение народное» мало что решает в реальной политической игре и в ее ходе; а о распределении ресурсов имеет смысл судить, прежде всего, по тому, на чьей стороне государственная власть и каковы в стране законы.

Российская политическая практика (а следом за ней и теория, точнее, стратегия демократического процесса в нашей стране), таким образом, приходит в противоречие с показаниями либеральной политической теории и тем обобщенным опытом развития социально-политических систем европейских стран, из которого эта теория выросла. Актуальным становится вопрос о свойствах того ресурса социальной поддержки, который сегодня включен в конкуренцию политических партий и других институтов гражданского общества, и о причинах, по которым этот ресурс не становится решающим фактором российского политического процесса уже на протяжении почти трех десятилетий.

О том, что общество в целом как совокупный ресурс, который мог бы изменить баланс сил в российской политике, остается для отечественной науки величиной неопределенной, политологи сегодня пишут вполне откровенно. «В целом же, – характеризует ситуацию один из ведущих отечественных исследователей, – (имеет место. – *Б. Ж.*) очевидный и поражающий своей глубиной кризис наших представлений об обществе (прежде всего – современном, глобализирующемся обществе, в котором все мы живем), о принципах, практиках, институциональных основаниях, обеспечивающих его интеграцию, а также его экономическое и политическое бытие»<sup>1</sup>.

Приведем другую характеристику, которую политологи дают обществу как предмету своего научного анализа: «...социальный климат обществ, сосуществующих в пространстве современности, – ключевой показатель качества их политического развития – формируется не только

на основе восприятия их членами качества жизни и оценки эффективности общественных институтов. Его определяют способность нравственного суждения человека о политике и готовность отстаивать демократические принципы политического общежития, по сути – реально быть, а не просто именоваться гражданином. В открытом информационном пространстве ключевой детерминантой демократического развития становится характер индивидуального восприятия политики и политико-управленческих решений. На этой основе формируется отношение к институтам публичной сферы и соответствующий уровень доверия и вовлеченности, непосредственно сказывающийся на функционировании этих институтов»<sup>2</sup>. Это своего рода формула того социального ресурса, который обеспечивает конкуренцию политических субъектов, и в определенном смысле объяснение «от противного» причин, по которым, как нам представляется, российское общество остается малоинтересным предметом для политической теории и практики.

Многие особенности современного российского общества, связанные с его политической субъектностью, заметны невооруженным глазом, они не требуют углубленного выявления при помощи социологических методов. Они требуют именно политологического анализа в контексте той общей политической динамики, которая наблюдается в России. Российское общество было и остается недостаточно внутренне структурированным для того, чтобы органично включиться в либерально-демократический процесс и обеспечивать его прогресс за счет стимулирования политической конкуренции. В нем отсутствует деление на классы и сословия, необходимое для организации политической и культурной, правовой и экономической жизни по тем образцам, которые известны из опыта западных либеральных демократий.

Против этого можно возразить, что и на Западе сейчас такого деления нет, оно не характерно для современных «информационных обществ», но либерально-демократические механизмы, тем не менее, там исправно функционируют и даже осуществляется политический транзит этих механизмов в страны третьей и четвертой волны демократизации. Однако нынешние информационные общества получили все эти механизмы по наследству, охотно ими пользуются и не всегда ценят. Складывались же эти механизмы и набирали прочность в условиях, когда на классовой и сословной основе происходило формирование и структурирование гражданских обществ. Для формирования последних, для того, чтобы у гражданина были внутренние и внешние стимулы к заявлению своих политических интересов и к отстаиванию таковых, необходимо не тотальное единообразие прав и обязанностей, а пусть и не слишком большое, не доводящее политических конфликтов до состояния гражданской войны,



но различие политических прав и обязанностей. Заметим, что в Западной Европе гражданские общества наиболее активно формировались в XIX и первой половине XX в. Как раз тогда, когда на смену размывшейся за столетия сословной структурированности стала приходиться более четкая классовая структурированность западных социально-политических систем, и гражданский «общественный договор», выразившийся в легитимности именно либерально-демократических институтов, стал всем понятной и естественной альтернативой разрастанию в обществе конфликтов на экономической и политической почве.

Российское общество, возможно, потому и не становится «информационным», что имеет другую историю социальных структур и иное институциональное наследие в виде опыта неструктурированного по политическим и экономическим основаниям существования, доставшегося от советского времени. Оно большую часть своего внутреннего потенциала тратит на возобновление структурированности, которая могла бы приблизить его к уровню, необходимому для перевода политической жизни в гражданское русло. И одновременно пытается минимизировать внутренние конфликты, опасные для его имиджа современного, якобы информационного общества.

В результате происходит образование странных связей: наибольшей политической активностью заявляют о себе те общественные слои, которые не являются основными носителями отношений собственности и не обладают богатством, которые даже не задействованы непосредственно в производстве общественного продукта: пенсионеры, учащаяся молодежь. Те, кто производит общественный продукт (рабочие, крестьяне, в первую очередь), политически в своей массе пассивны. А олигархи, контролирующие большую часть национальных богатств, вопреки логике либеральной теории не заявляют (открыто и реально, по крайней мере) своих претензий на обладание политической властью. Получается, что максимальной политической свободой и субъектностью вообще (по факту преобладания их участия в электоральных и иных политических процессах) характеризуются социальные группы, минимально наделенные экономическими ресурсами и связями с государственной и общественной службой, а самыми ущемленными в политическом отношении (по факту незаявления ими своих политических интересов на уровне выше регионального) являются российские олигархи, состоятельные люди вообще.

Такого рода структурные и качественные инверсии в современном российском обществе, которые, заметим, влияют и на состояние российской политической элиты, делают его действительно таким ресурсом в политической конкуренции, активизация которого трудно просчитывается. Для политической партии такая активизация может не только обернуться выигры-

шем или проигрышем, но и просто не дать ничего, если партия будет строить стратегию своего политического участия по классическим принципам либеральной демократии, делать ставку на классовые, например, интересы определенных социальных групп и обращаться к этим группам со своими идеологическими проектами, в которых произведено распределение политических интересов и возможностей на будущее.

При объяснении того, почему ресурс социальной поддержки сегодня относительно слабо задействован в реальной российской политике, не следует игнорировать и тех общих тенденций, которые наблюдаются в современной политической жизни в части тех противоречий, которыми отмечена жизнь политических институтов и институтов гражданского общества в особенности. Достаточно давно известным французским социологом и социальным философом П. Бурдьё было отмечено, что «взаимодействие политических сообществ структурирует политическое пространство, но индивиду погружение в это пространство грозит попаданием под патронаж “больших игроков”, претендующих на монопольное производство политических смыслов и мобилирующих для этого арсенал материальных и символических ресурсов». Здесь «в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения “потребителей”, (и) коллективные политические агенты – партии, профсоюзы, ассоциации – ...могут функционировать как “один человек”, лишь жертвуя интересами какой-либо части, если не всей совокупности своих доверителей»<sup>3</sup>. Эта формула объясняет, как и почему политические партии, претендуя на обладание всей совокупностью социального ресурса, на практике не могут этого достичь никогда. Более того, такого рода претензия автоматически провоцирует растущее отчуждение людей от политики, возрастающее недоверие к ней и желание выйти из-под ее влияния.

Поведение партии в этом случае образно можно сравнить с движением бура, который все более погружается в породу, имея задачей достичь наиболее ценных ее пластов. Но по мере продвижения бура плотность породы возрастает, и в самой непосредственной близости от цели его заклинивает. Его приходится вытаскивать и начинать бурение сначала. Спасает стабильность институционального дизайнера в этих условиях только то обстоятельство, что одновременно идет бурение одной породы разными инструментами, разной мощности и работоспособности, «заклинивание» происходит асинхронно. Как правило, моменты такой асинхронности фиксируют электоральные процессы. Это дает возможность «бурильщикам» группироваться, подменять себя



на сцене политической конкуренции, добивать оплошавших или слишком медленно разрабатывающих «золотую жилу» политики.

Иначе говоря, наращивая ресурс социальной поддержки своей конкурентоспособности, партии одновременно увеличивают и риск заклинивания своих политических механизмов и технологий в момент, когда вовлеченные ими в политический процесс люди начинают все больше ощущать и осознавать, что им, как той птичке, у которой «коготок увяз», грозит реальная перспектива «всем пропасть» именно в качестве самостоятельных субъектов политики, носителей различных ценных для политики ресурсов. Можно сказать так, что в современных условиях общество само не проявляет заинтересованности в том, чтобы раскрыть перед

институтами гражданского общества, партиями в первую очередь, свой реальный ресурсный потенциал. Само по себе это, вероятно, является предпосылкой достаточно длительного в дальнейшем «зародышевого» существования этих институтов.

#### Примечания

- 1 Лапкин В. В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // Полис. 2012. № 6. С. 41.
- 2 Семенов И. С. «Человек политический» перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // Полис. 2012. № 6. С. 10.
- 3 Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 182–223.

УДК 329(47)

## КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ СОВРЕМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА (на примере Саратовской области)

Т. С. Салтыханов

Саратовский государственный университет

E-mail: timures@yandex.ru

В данной статье представлены результаты количественного исследования потенциальной политической активности сельских жителей на примере Саратовской области. По результатам исследования автор приходит к выводу, что сельские жители не осознают себя членами единой социальной группы, сплоченной общими интересами и будущим. Также зачастую они демонстрируют равнодушие к политической жизни, экстраполируя негативное отношение к персоналиям на политику в целом. При этом внутренне сельские жители имеют потребность и силы выражать себя каким-либо образом в политической деятельности.

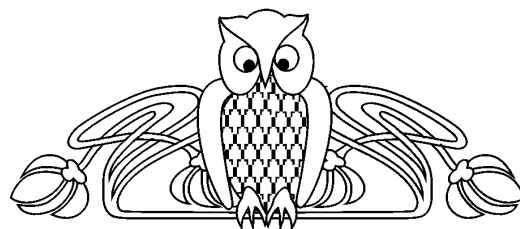
**Ключевые слова:** политическая активность, сельские жители, современные крестьяне, исследование политической активности.

### Quantitative Characteristics of Political Subjectivity of the Modern Peasantry (on the Example of the Saratov Region)

T. S. Saltikhanov

Results of quantitative research of potential political activity of villagers are presented in this article on the example of the Saratov region. The author comes to a conclusion that villagers don't realize themselves members of the uniform social group rallied by common interests and the future. Also often villagers show the indifferent relation to political life, extrapolating negative attitude to a personnel on policy as a whole. Thus internally villagers need also forces to express themselves somehow in political activity.

**Key words:** political activity, villagers, modern peasants, research of political activity.



Автором статьи было проведено исследование потенциальной политической активности сельских жителей Саратовской области. Саратовский регион является одной из житниц России, и в этом контексте результаты исследования могут быть особенно интересны и показательны.

Исследование было проведено летом 2012 г. в Татищевском районе Саратовской области. Целесообразно вначале дать краткую характеристику политической активности жителей региона в целом. Если ориентироваться на результаты президентских выборов 2012 г., то явка избирателей составила, по данным ЦИК РФ, 66,44%<sup>1</sup>. В сравнении с другими субъектами Федерации, область находится на 31-м месте, то есть примерно в середине списка регионов. В то же время на территории самой области, если брать статистику выборов в Саратовскую областную думу в октябре 2012 г., по уровню политической активности лидируют Татищевский, Базарно-Карабулакский и Дергачёвский районы (явка избирателей в этих районах составила соответственно 79,11, 72,57 и 70,71%<sup>2</sup>). Исходя из этих данных, для исследования был выбран Татищевский район. Объем выборки составил 160 случаев. Репрезентативность выборки обеспечена следующими критериями: 1) возрастная квота 30–54 года – очевидно, что именно к 30 годам у человека окончательно формируются его политические убеждения, кроме того, именно эти возрастные когорты являются наиболее самостоятельной и обеспеченной частью общества; 2) опрос проводился только среди жителей средних и мелких населенных пунктов, среднего дохода. Была введена также мягкая квота